№ 335 (60-е – 70-е гг. XII в.; Б 63) [З]. На правом краю нижней строки дочитывается:

…[є] : **оп[ѧ]т-** : **ѵ[ап]и|(ши)**

№ 336 (сер. 10-х – сер. 30-х гг. XII в.; Б 1) [З]. В *на Нустуе* в последней букве вторая мачта — это (вопреки ДНД) результат правки: автор переправил *е* на *и*, подставив вторую мачту. Поскольку он в целом был сильно ориентирован на стандартные морфологические нормы, следует полагать, что это самоцензура: он написал диалектное *на Нустуе* и исправил на наддиалектное *на Нустуи.* Ср. *-и* в *оу Даньши*.

В *къ Влъчькови* буква *ч* даже не Т-образная, а обычная (примерно как в *срочька*, *срочькъ* в строках 4 и 5, а не как в *срочька* в строке 3): теперь это видно на обломе. (На прориси она оказалась более Т-образной, чем в оригинале.)

В *оу Даньши* автор сперва написал *Даньн-*, затем переправил. В *Даньша* (строка 5) он успел целиком написать *Даньна* и переделал *на* в *ша* (с новым *а*). В *то еси* (строка 1) *с* переправлено из *е*.

№ 338 (первое 40-летие XII в.; Б 37) [З]. Первая строка дочитывается: [**заχв]а[т]илє ко[с]ѵошковє**.

В конечном *гр*(*вн*) букву *в* следует дать как [*в*].

№ 339 и **341** (80-е – 90-е гг. XIV в.; Г 87) [Г]. Почерк двух фрагментов отождествлен в Попр.-Х, где сказано также, что «судя по разнице в длине строк, фрагменты едва ли представляют собой части единого документа». Приведем тексты двух грамот по этой работе вместе с комментарием к ним.

№ 339: **пклонъ ѿ ръдиваца | к о҃гидиноу посадкоу | сє ѿχъ[дѧ сєго] (свѣта)** … «В грамоте, очевидно, сообщалось: ‘Вот, отходя от сего света, такой-то завещал то-то’, далее излагались связанные с этим обстоятельством проблемы, требующие вмешательства посадника».

Фрагмент № 341, как отмечает А. А. Зализняк, в отличие от № 339, крайне темен. Текст его дан со словоделением, носящим «в значительной степени гадательный характер»: …|**-ѵ--ли[ш]**(…)|**ли за ти а мы |ѥ ѡ тъ цъ бъ [с]по**|…

Поскольку последовательность из девяти односложных слов непредставима даже теоретически, отсутствие более правдоподобного, пусть и гадательного, варианта словоделения заставляет предполагать, что какие-то буквы в грамоте идентифицированы неверно. Действительно, проверка показывает, что буква в конце второй строки — на самом деле не *ы*, а *ъ*. На берестяном листе в этом месте имелась морщина, столкнувшись с которой, писавший слегка изменил обычный для него начерк *ъ*, сделав его петлю более высокой. Однако это, безусловно, именно *ъ*, а не *ы*, поскольку линия, принятая за округлую часть петли *ы*, в действительности является частью естественной морщины. Буква *ы* в грамоте также имеется: ее второй элемент был принят за *с* в третьей строке (два других *с* в грамоте №339 имеют более изогнутый начерк). С этими поправками вторая и третья строки документа дают, без словоделения, следующий текст: **лизатиамъ|ѥѡтъцъбъıпо**|… В такой транскрипции в грамоте вполне уверенно прочитывается фраза: **а мъѥ ѡтъцъ бы по|(слоуχъ)**. Запись *мъѥ* ⟨*мои*⟩ вполне отвечает бытовой орфографии грамоты (ср. *Ръдиваца*, *ѿхъ*(*дѧ*)), первый *ъ* в *ѡтъцъ* следует трактовать как понятную описку, а *бы* вместо *бысть* — или как недописанное *бысть*, или же как неумело образованный аорист.

Прочитанная фраза является стандартным завершением духовной, идеально согласуясь с формулой **сє ѿχъ[дѧ сєго] (свѣта)**, читаемой в № 339. Это означает, что две грамоты всё же являются частями одного документа, — разница в длине строк может объясняться тем, что последние строки писавший сделал более короткими. Перед нами, следовательно, не письмо, в котором упоминалась чья-то духовная, но сама духовная Родивача, или, что более вероятно, ее черновик. Чрезвычайно интересным представляется то обстоятельство, что текст духовной оформлен в виде письма посаднику. Аналогом такого отступления от стандартного актового формуляра может служить сохранившаяся в пергаменном подлиннике данная посадника Терентия Богородицкой церкви на землю на Княжеострове XV в. Текст ее, ввиду его предельной краткости, стоит при-